
Принято считать, что животные лучше всех предчувствуют грядущие разрушительные природные катаклизмы и техногенные катастрофы. Так вот, это все хуйня! Лучше всех грядущие изменения предчувствуют древние твари, в любых других обстоятельствах, как правило, и являющиеся источником этих самых «катаклизмов» и «катастроф».

Мерзкое чувство неопределенности поселилось в содержимом рогатой черепно-мозговой коробки Оливьера Кромвеля. Князь Тьмы не находил себе места. Так что прибежавший в Зал Оргий слуга застал своего владыку посреди поляны растерзанных на куски демонов и рабов: ничто не снимает стресс лучше хорошего траха, чем убийства в промышленных масштабах.

-Хозяин, десять миллионов разумных готовы к жертвоприношению для открытия врат! Прикажите начать вторжение на Землю? Хо... А-а-а... А-А-А!!! - повалившийся на пол барон ада завыл от чудовищной боли, разрывающей внутренние органы на куски.

-Видий... Почему так долго? Я устал ждать.

-Кх-х...А-а-а!!!..

-Можешь не отвечать: это был риторический вопрос. А теперь сдохни!

Оливьер щелкнул пальцами, и орущего демона развеяло прахом по заваленному истерзанными трупами залу. Вопреки расхожему мнению, правитель Верхнего inferнального плана Нессус ждать действительно не любил. Как и не любил строить долгосрочных хитросплетенных интриг. Больше ожиданий древнего inferнала тяготило только непонятное предчувствие чего-то... неестественного и крайне иррационального. Будь на месте Оливьера кто-либо другой, то он бы со 100% вероятностью классифицировал ощущение как «смертельную опасность».

Отгнав от себя посторонние мысли, Князь Тьмы направился на Проклятую площадь, где вскоре должно было состояться грандиозное жертвоприношение. Десять миллионов душ! Достаточное количество, чтобы значительно усилить самого Князя. Более того, такого громадного количества аргент-энергии, возможно, хватило бы, чтобы Князь Тьмы перешел на следующую ступень развития. Но Оливьер смотрел в будущее. А там, на горизонте маячил другой мир, населенный миллиардами душ...

...примерно в то же самое время в одном богами забытом месте собралась группа тех, кого с легкостью можно было принять за людей. Но... Люди не едят других людей. А кроме того само «место» наталкивало на явную нечеловеческую природу «гостей».

Один из многочисленных Миров Смерти, переживших техногенные войны планетарных масштабов. В таких мирах не жили, а выживали. Но конкретно в этом даже выжить было невозможно. Радиационный фон превышен в 70 раз. Почти 98% суши – горная местность с множеством действующих вулканов и обширными, простирающимися на сотни километров аномалиями. Содержание кислорода в воздухе не превышает 9%, в то время, как содержание углекислого газа более 28%. Ад наяву. Случившаяся много лет назад ядерная война между древними высокоразвитыми цивилизациями практически полностью уничтожила озоновый слой атмосферы, а последовавшая ядерная зима вызвала экстремальное похолодание. Почти вся фауна и флора либо вымерла, либо мутировала в нечто нереально жуткое и опасное.

Вооруженные до зубов, два десятка монстров в человеческом обличье спешно поднимались по горной гряде смертельно-опасной планеты. Отряд ликвидаторов Корпорации шел по следам доставившего слишком много хлопот ренегата. Едва уловимый запах крови вел их наверх, на

вершину горного пика. Спустя час подъема источник манящего запаха наконец был обнаружен.

-Здоровый. Тонн на семь потянет, как думаешь, Гленн? – один из нелюдей ткнул рельсотронной винтовкой в морду дохлого чудовища. Обтянутая обветренной шкурой туша выглядела солидно. Оканчивающиеся полуметровыми когтями шесть лап были способны разрезать двухсот миллиметров стали как масло. Зверь не был антропоморфным и передвигался подобно пауку. Он умел мимикрировать, сливаясь с окружающим рельефом, и абсолютно не определялся ни в одном тепловизоре. А еще он был размером с фургон, что, впрочем, не мешало ему передвигаться с едва уловимой человеческим глазом скоростью. Идеальная машина убийств. Тем не менее, чудовище это не спасло: половину туши кто-то недавно съел. На смертельно ядовитом мясе кое-где виднелись следы человеческих зубов.

Гленн наклонился над тушей и принялся.

-Сутки, плюс-минус два часа. Он где-то неподалеку...

Так ли важна на самом деле память? Нет, я не говорю о некоей информации, вдолбленной на подсознательном уровне в кору головного мозга наравне с естественной физиологией. В конце-концов трудно забыть, как правильно мочиться или что совать в дырку. Среди прочего есть и более сложная информация, отвечающая за невербальные средства коммуникации. И вот ведь удивительно, я никогда не встречал никого, кто бы забыл язык, на котором совсем недавно разговаривал. Инсульты и болезни не в счет, профиль не тот. И вообще, первопричина не столь важна. Важно сама ценность «памяти». А она... Как бы сказать попонятнее? Короче, зашибись, когда ты все помнишь. Но еще лучше, когда ты все забыл: все кажется таким новым, прикольным и главное – беспроблемным. Да, есть некоторые трудности, вроде мутных вьетнамских флешбеков (что такое вьетнам?) и зрительных образов с участием чьих-то отпиленных пальцев, загнанных под ногти раскаленных спиц и электрозажимов на яйцах, сопровождаемых не менее ярким звуковым сопровождением и обещаниями «я все верну/я заплачу больше/ не убивайте!.. Но если честно, то все это незначительные мелочи. Они меня не особо волнуют. Да, досаждают мелкие неприятности в виде мигрени и посторонних голосов в голове, но не более. Меня же волнует другое. Из-за чего я потерял память. Это довольно иррационально, и я это понимаю. Но почему-то у меня сложилось такое чувство, что этот пункт крайне важен. Намного важнее того, что я забыл.

И я намерен выяснить причину своей амнезии.

51.3772.128.118

-Гребаная амнезия. – прошипел я, рассматривая медленно проплывающие по запотевшему дверному стеклу автомобиля несуществующие цифры.

-Да не парься так, Джимми, не грузи себя! Сейчас приедем, подлатаем тебя. Полечишься, все за государственный счет, будешь как новенький. – потрепал меня за плечо темнокожий санитар. Один из двух конвоиров, не считая еще пары полицейских, расположившихся на переднем сидении бобика за решеткой. Мерзкий полицейский бобик, в нем слишком сильно укачивает, хочется блевать. Но я настолько голоден...

-Да, Майк дело говорит: в здоровом теле – здоровый дух. И тебе не придется есть голубей, кормят там хорошо, три раза в день. Даже полдник дают! Все по высшему разряду, тебе понравится. Кстати, Джимми, так зачем ты все-таки съел тех голубей в парке?

Напарник вислобрюхого толстячка устало вздохнул и уныло уставился в запотевшее окно полицейского бобика. Я улыбнулся, представив, как буду разбирать его по запчастям.

-У тебя память настолько плоха или ты кретин?

-Да я просто понять не могу, Джимми, зачем нужно было есть голубей? – снова задал свой дурацкий вопрос аппетитно пахнущий толстячок.

Джимми... Что за дурацкое имя. Меня не так зовут, я в этом уверен. Вот только бы вспомнить как... Нужно придумать себе имя. Да, точно.

-За тем же, зачем и ты ешь каждый день: я был голоден. Говорил ведь уже. И Майку говорил. И психиатру в полицейском участке говорил. И наряду полиции, задержавшему меня ранее по этой же причине, говорил. Между прочим, эти ублюдки попросили меня предъявить документы, представляешь?

-Не каждый день голубей в парке едят на виду у молодых мамочек. – флегматично заметил Майк.

-Тут не поспоришь. Но просто понимаешь, когда ты почти абсолютно голый и у тебя спрашивают про документы... Складывается впечатление, что они думают, что ты хранишь их в заднице.

-И поэтому ты сломал нос офицеру полиции?

-Само как-то получилось, рука дернулась. Хотел горло вырвать, он оказался слишком шустрым. – посетовал я. Тем временем бобик завернул на Гарден-стрит, где благополучно встал в пробку. – И кстати, придурок, а почему ты меня зовешь Джимми?

-А как тебе бы хотелось? – спросил толстяк, отправив в рот очередной шоколадный пончик из пачки. Хлебобулочное изделие изрядно почему-то пованивало просрочкой.

-Ну, я даже не зна-а-а-ю. Почему, к примеру, не Макс Рокатански, все равно же в психушку едем?

-Потому что Макс Рокатански – это герой Мэла Гибсона. Ты не настолько крут, поэтому ты просто Джимми – псих, шизик и просто больной урод, жрущий живых голубей. – очередной просроченный пончик исчез в слюнявых краснощеких задворках от которых, в свою очередь, веяло почему-то мясным рагу. Я перевел голодный взгляд на Майка, по черному лбу которого не спеша проплыла белая числовая строка:

51.3772.128.118

Чертовое рагу.

-Майки, а ты приятно пахнешь. Нет, не смотри на меня так, словно я педик. Даже не надейся, у меня к тебе интерес строго гастрономического, а не сексуального характера.

-Дешевая провокация, Джимми. Пожалуйста, не груби и веди себя хорошо.

-А то что?

-Засуну кляп тебе в рожу. – флегматично пожал плечами ниггер.

-Я буду кусаться. – честно признался я.

-Кусаться вредно для здоровья, Джимми. Можно лишиться нескольких зубов. На лучше пончик, ванильный, м-м-м! Загляденье, тебе понравится. – здоровенная жирная лапа насильно запихнула мне в рот мерзкий протухший объект неживой природы. Я честно попробовал откусить санитару пальцы, но ублюдок был слишком ловок, похоже на опыте уже в таких делах был. Да и трудно совершать какие-либо действия, когда на тебе туго затянутая смирительная рубашка. В ней, между прочим, только говорить и моргать легко. Точнее, просто можно.

Пончик действительно оказался протухшим, меня вывернуло наружу. Я заблевал толстячка и его напарника. Дальнейшую половину пути пришлось ехать в гордом молчании с запихнутым в рот кляпом и старательно игнорируя время от времени проносящиеся по салону цифры.

51.3772.128.118

Посмотрел в окно бобика – какая-то мамаша выгуливала в коляске маленькое, вечно ревущее исчадие ада. Серая коляска на секунду стала белой от обилия возникших на ней цифр. Безумный тюнинг детской коляски мгновением спустя заразил шедшего мимо прохожего. Коричневое пальто стало белым от цифр. А потом вся улица превратилась в цифровое безумие. Мерно моросивший дождик вместо воды стал изрыгать на потрескавшийся асфальт цифры.

51.3772.128.11851.3772.128.11851.3772.128.11851.3772.128.11851.3772.128.11851.3772.128.118
51.3772.128.118Чертовы цифры прожигают раз за разом сознание, словно память о не
выключенном утюге или незакрытой входной двери дома.

Я закрыл глаза, досчитал до 13 и открыл: цифры исчезли. Постепенно пробка стала рассасываться, и мы поехали дальше. Петлять по улочкам поганого Балтимора.51.3772.12851.3772.128.118 Полицейский бобик, провоевавший еще с полу часа с пробками по Мортин-сквер, наконец вошел в плавный поворот в какую-то мухосрань, после чего с грацией хищного пингвина нелепо вывернул из переулка, и мы оказались во дворе трехэтажного мощного здания с большими резными каменными колоннами, поддерживавшими выход верхних этажей. Окна здания были высокими и узкими, словно замковые бойницы, а входная створчатая дверь походила на замковые ворота, не хватало лишь железных воротин и стражников. Впрочем, стражники имелись, в количестве одного скучающего охранника у входа, лениво устроившегося на кушетке за просмотром телика. А железо раздвижных воротин вполне себе неплохо компенсировалось решетками на окнах. При чем на всех. Да и забор, которым здание было ограждено, больше походил на тюремный – не удивлюсь, если колючая проволока здесь под напряжением.

Здание было центральным псих-диспансером Балтимора. Мне оно сразу не понравилось.

51.3772.128.11851.3772.128.11851.3772.128.118Чертовы цифры продолжают мучать меня. Пока мы шли к проходной, меня стали одолевать приступы зверской мигрени. В какой-то момент цифрами стало абсолютно все, я словно оказался в какой-то числовой матрице. Но то длилось лишь миг, а потом все вернулось в норму.

Санитары повели меня по коридору с высоким выбеленным потолком. Майк с кем-то поздоровался, и мы зашли в душевую.

И опять, опять по-новой. Мозг закипает, острая боль молнией пронзает серую массу нейронов, оставляя за собой дьявольскую агонию. Она накрывает моментально и также мгновенно прекращается. Исчезают и цифры, после чего я уже обнаруживаю себя раздетым и сидящим на табуретке. Меня из шланга поливают холодной водой.

Ледяная вода не хило бодрит, хочется визжать как маленькая сучка. Но даже она не способна перебить запах еды, что исходит от санитаров.

Хочу есть. Голод сводит с ума... Почему от Майка так аппетитно пахнет?

Помывка оканчивается, после чего я плавно перехожу в заботливые ручки второго визави.

-Так, я осмотрю твою плешь, придурок. Вдруг там кто-то ползает?

-Приятель, я бы сказал, кто, что и где ползает у тебя, но ты ведь и сам знаешь, правда?

-Но-но, Джимми! Давай без грубостей, ладно? А то снова накачаем тебя веселыми таблетками.

-Да я и не против, таблетки делают мир светлее и позитивнее.

-А потом мы вколим тебе слоновую дозу успокоительного и упакуем в твою любимую рубашку! И ты отправишься на экскурсию в страну чудес.

-Неужели? – спросил я, представив, как сломаю деревянную щетку, которой меня сейчас моют.

-Ага. Комната два на два, оббитая поролоном. Там даже лампочки нету. Хотя нет, не так: там вообще ничего нету, кроме поролона. Представляешь?

-Да, мы зовем эту комнату каруселью, Джимми. – хлопнул меня по плечу Майк, оканчивая осмотр моей шевелюры на предмет наличия вшей, а может, блох. Не важно.

-Каруселью? – переспросил я, гадая, куда лучше воткнуть поломанную щетку – толстяку в глаз или Майку в шею.

-Ну там просто все улетают. – пожал плечами толстяк и протянул мне сверток. Белая пижамка в крапинку и зеленые резиновые тапочки. Я удовлетворительно поцокал языком. Люблю обновки, пожалуй, пока не буду никого убивать.

-А кроме карусели у вас ничего нету? Люблю осматривать достопримечательности.

2

Далее меня повели через санчасть по узкому коридору, минуя еще один пост охраны. Охранник не удосужил меня и толикой внимания, продолжая насиловать кроссворд огрызком карандаша. Напротив, на кушетке, стоял работающий телик. Новостная программа вещала что-то про новый пакет антироссийских санкций и ущемление прав сексуальных меньшинств. «Зверства, чинимые над либеральными активистами на состоявшемся в минувшую субботу гей-параде в центре Москвы, организованного партией Аллеши Подвального, всколыхнули мировую общественность...».Раздумывая над тем, что было бы неплохо как-нибудь посетить ту далекую, варварскую и не толерантную Россию, я не заметил, как меня провели вперёд к сетчатой двойной двери в конце коридора, Майк провернул ключом замочную скважину и, как бы приглашая меня пройти за ним, сделал ручкой замысловатое па.

-Не хилый сервис тут у вас, мне нравится!

-Не переживай, тебе тут все понравится.

-Очень на это надеюсь.

И я шагнул вперед, навстречу дурдому. Настоящему дурдому, а не такому, который представляет себе среднестатистический человек, никогда в психушке отродясь не бывавший.

Было на удивление тихо.

У входа нас встретил бродяга с бакенбардами и заплывшим лицом. Стерилизованный, помытый и в белой пижамке в крапинку, в такой же, которую выдали мне. Он вальсировал сам с собой, наворачивая круги в компании несуществующей партнерши и через пару шагов поправлял дурацкую шапочку у себя на голове. По соседству с ним стоял другой, рыжий, выражение физиономии которого не предвещало ничего... Совершенно ничего. Он просто стоял и... Стоял, открыв рот и уставившись пустыми стеклянными глазами сквозь темнокожую то ли медсестру, то ли врача в белом халате, женщину лет сорока, сорока пяти. Она ему что-то пыталась объяснить, но он просто смотрел сквозь нее и смотрел, вообще не шевелясь. Где-то из радио приёмника доносилась тихая игра оркестра. Слева, у стены, возле умывальника, за столом сидела другая парочка. Такой же работник медперсонала, возможно ассистентка, рядом с ней на стуле восседал маленький старичок. В трясущихся крючковатых пальцах он держал фломастеры разных цветов, которыми упорно выводил идеально ровные квадраты на белых листках бумаги, рядом лежала целая пачка его художеств. Разноцветные квадраты на бумаге, которые женщина в белом халате старательно складывала в стопку. Стопка была толстой.

Ассистентка почему-то улыбалась.

-Йоу, Гоинз! Эй, Гоинз! Джеффри, Джеффри Гоинз! – прокричал Майк, когда мы прошли к центру просторного зала. Даже тут работал телевизор. Несмотря на абсурдность происходящего – там, на экране, не то койот, не то заяц, всеми силами старался проломить лбом кирпичную стену под неясное мультяшное тарыхтение работающего неподалеку минигана.

-Что? – отозвались позади. Обернувшись, я увидел очередного незаурядного персонажа, идеально вписывавшегося в общую картину. Он восседал на старом подрапанном кожаном кресле, словно то было его трон среди раскинувшихся владений. Взъерошенные светлые короткие волосы, левый глаз дергался и косил в сторону, во взгляде читалось нечто среднее между запредельной гениальностью, вселенским просветлением и абсолютным безумием, настолько сильным, что посмотрев на него, невольно осознаешь понятие слова абсолют.

-Смотри сюда, Джеффри, это Джимми. Он тут новенький! – чернокожий здоровяк потряс меня за плечи – Устрой ему экскурсию, познакомь с правилами пользования телевизора, покажи игрушки и все прочее.

-А скока ты мне заплатишь, скока? Ведь это твоя работа. – подмигнул санитару Гоинз.

-Пять тыщ долларов, помощник! Этого хватит?

-Пять тыщ?

-Выпишу чек, все как обычно. – заверил его санитар.

-Пять тыщ долларов! Пять тыщ долларов! – Гоинз принялся отбивать резиновым тапочком по кафельному полу. – Пять тыщ, пять тыщ!

-Пять тысяч, помощник!

-О! Я устрою ему экстр-экскурсию. По психушке. Ха-ха-ха-а-а! – Джеффри рывком поднялся со

своего трона и быстренько проковыляв через зал, уже пожимал протянутую ручку санитаря, скрепляя деловую сделку.

-Ха-а-а... Мы - заключенные! – хлопнул Гоинз по плечу черного санитаря.

-Нет, ты что! - возразил ему санитар.

-Да-да, мы охранники! Верно-верно, охранники. Нет. Мы - ботаники! Ха-а-а-хахаха... – схватился за голову Гоинз и захохотал.

-Вот, теперь верно, старик! - улыбнулся Майк, насилиу выдергивая руку из трясущихся ладоней пациента психушки.

-Во-во, терь понял-понял... Ладно, Джимми. Приятель-Джим, пошли! Пошли-пошли. – потащил меня за рукав Гоинз, увлекая за собой. - У нас тут Диснейленд, главное не унывать, не унывать, да, да-а-а... Главное не унывать! – мы пересекли зал и оказались в каком-то коридоре, завешанном фотографиями пейзажей далеких и прекрасных мест... Настолько далеких и прекрасных, что какой-то патлатый психопат, пуская слюни, тщательно вылизывал лазурную лагуну некогда прекрасного мальдивского (или не мальдивского) пляжа, раскинувшуюся на фото, приклеенном к стене. Спиной к нему, разместившись за миниатюрным детским столиком, устроилась пожилая бабушка с седыми волосами. Она играла сама с собой в шахматы. Но за все время, пока я ее наблюдал, так и не сделала ни одного хода с начала партии. А тем временем Гоинз принялся весело рассказывать, активно выделявая непонятные жестикуляции.

-Здесь у нас игрушки! – он кивнул в сторону шахмат, - а это... ПОШЕЛ! ИДИ ОТСЮДА, ПОШЕЛ!!!

Безобидный старик, усевшийся в кожаное кресло, в ужасе завизжал и пустился наутек, сбив по дороге упитанного щекастого паренька, разукрашенного по самое не хочу веснушками.

Паренек заплакал.

51.3772.128.11851.3772.128.11851.3772.128.11851.3772.128.11851.3772.128.11851.3772.128.118
. Воспаленный мозг вновь пронзает вспышка боли. Цифры, цифры... Что они значат? Это порядковый номер? Нет. Просто строки, бессмысленные строки. Код? Вряд ли.

-М-м-м... Сел в мое кресло. – пояснил Гоинз, почесывая взъерошенные волосы. - Вернемся к культурной программе. Точно! Игрушки. Да... Гляди – игрушки! – Гоинз схватил валявшегося на полу розового пони и отправил пинком в дальний угол. – Еще игрушки! Хе, убежать хотят. – Гоинз подошел к вмурованному в стену шкафу. Дверцы шкафа заменяли стальные решетки с накинутым на них замком, за которыми можно было увидеть корешки книг. После чего Гоинз повел меня к столу, где подозрительный субъект в больших округлых очках разукрашивал нарды. Видя мое полное замешательство, Гоинз поспешил пояснить. – А эти превращают тебя в овощ, ты будто принимаешь по своей воле транквилизатор! А-а-а... А тебе уже химию кололи, да? Наркота-а-а! Что тебе дали? ЧТО?! Теразин, колдон? Сколько, сколько? Ни названия ни дозировки не забывай, их запомнить просто.

-Каким-то дерьмом кололи, Гоинз. Накрыло быстро, но через минуту отпустило. Мне его вкололи снова, но все без толку. Врачи что-то сказали про сильную иммунную систему и про то, что я мудака. Больше мне ничего не кололи. – я сокрушенно вздохнул. Гоинз вытер рукавом набежавшие сопли. Дабы разрядить траур, я решил сменить тему. – Слышь, Гоинз.

-А?

-Мне позвонить нужно. У меня в голове есть номер, я думаю, было бы неплохо позвонить и потолковать по этому гребаному номеру. Меня наверно ждут там, на другом конце. Понимаешь?

В уме опять не переставая начинают вертеться те проклятые цифры. Возможно, они и вправду номер. Ведь я не мог просто так появиться в трущобах посреди Балтимора с полной амнезией, но тем не менее почему-то точно запомнив довольно длинную числовую последовательность, что-то здесь определенно не так. Нужно выяснить, как цифры связаны со мной, с моим прошлым. Я не спроста их помню, они явно не плод моего больного воображения, которое непременно здесь попробуют безуспешно вылечить.

Ведь невозможно вылечить того, кто и так здоров.

О, вы как всегда правы, как всегда! Ххаа-Ххааа...ЧЕРТЧЕРТЧЕРТ, ЗАТКНИСЬ, ПОГАНАЯ ТЫ ТВАРЬ!!!Хааахаааа...

-Позвонить? ПОЗВОНИТЬ?! Это общение с внешним миром! На усмотрение врача. А-а, нет, что ты. Вот, ты только посмотри вокруг: если бы все эти психи могли звонить, безумие бы стало распространяться по проводам, заползало бы в уши нормальных, здоровых людей! – Гоинз шлепнул по спине обедавшего пудингом пациента. Долговязый бедолага взвизгнул. – Безумие бы передавалось им, и землю бы охватила чума безумия, хе-хе-хе... Но в действительности, Джим, - Гоинз перешел на шепот, - в действительности тут очень не многие больны, но я о тебе не говорю, Джим. Судя по всему, ты на всю голову законченный психопат. Но ты, ты не поэтому здесь, ты не поэтому здесь!

Я внимательно посмотрел на Гоинза. Гоинз внимательно посмотрел на меня. После чего, засунув средний палец себе в рот, Гоинз изрек следующее, напроць перерубив смутную надежду на какую-то зацепку в моей непонятной и мутной истории.

-Тебя система спрятала.

-Система? Погоди, что за...

-Система. О, а там у нас телевизор! – Гоинз побежал вперед, таща меня за собой мимо других несколько неординарных, но мало чем примечательных личностей. Так, наверно здесь это обычное явление, щелкать друг друга по носу, мяукая словно мартовский кот. – Тут у нас телевизор! По телевизору все хорошо, все за-ме-ча-тель-но. Слушай, молись рекламе! Мы ничего не производим, больше ничего никому не нужно, кругом машины, а мы на кой черт сдались?! Мы потребители, Джим. Покупай и вот, ты хороший гражданин. Но если ты не покупаешь, ты не хочешь покупать, то кто ты после этого, а, кто? Псих ненормальный. Это факт Джим, факт! Не покупаешь туалетную бумагу, компьютеры, блендеры, электрические прибабасы... чтобы трахаться!!! Телефоны, распознающие за тебя голоса, стерео, вмонтированные в мозг, миниатюрные радары...

Я внимательно слушал Гоинза, наблюдая как скунс по телевизору бьется вместе с койотом башкой о стенку и дергает себя за язык.

...но если ты хочешь посмотреть что-то одно определенное, например, спорт, то идешь к старшей сестре, говоришь ей день, время, номер программы и обязательно говори до того, как программа начинается. А то у нас тут был один парень. Он всегда просил включить программы, которые уже прошли. Да! Нет. Предупреждать нужно до, а не после, до! А он

никак не мог взять в толк, что сестра никак не может возвратить вчерашний день, повернуть время назад, спасибо Эйнштейну! Вот он, Джим, он был шизиком и придурком, ОН!!! – заорал Гоинз, привлекая к себе внимания всех поблизости. На мгновение парочка придурков рядом с нами перестала мяукать.

-Ну все, хватит, Джефри, веди себя хорошо. Или мне придется сделать тебе успокоительный укол. – сообщила пожилая медсестра, возникшая в дверном проеме коридора.

-М-м-м... Как скажите, мисс Теч! Как скажите. Вы сегодня чудно выглядите! Это правда. Да, Джим? Я тут как раз Джиму объяснял особенности нашего...кхм...учреждения! – подмигнул мне Гоинз левым косым глазом. Мисс Теч, покачивая головой и удалилась в зал. В этот момент мне на плечо легла чья-то увесистая темнокожая ладонь. Я повернулся и увидел перед собой черного верзилу. На нем был деловой костюм и выглядел он крайне презентабельно. Солидность подчеркивал строгий синий галстук.

-На самом деле, молодой человек, я вовсе не из космоса. – заявил менторским тоном незнакомец.

-О, Элджей-Вошингтон-он-вовсе-не-из-космоса! – промурлыкал Гоинз, растягиваясь в злорадной ухмылочке.

-Друг мой, не вздумай посмеиваться. – культурно парировал Элджей, невозмутимо взирая сверху вниз на лыбящегося Гоинза. Гоинз не выдержал и захохотал, едва не покотившись по полу. Впрочем, хохот тут же прекратился, когда Гоинз увидел на своем кожаном кресле все того же престарелого психа.

-ПОШЕЛ ВОН, ВОН ОТСЮДА, ЭТО МОЕ КРЕСЛО, МОЕ!!!!!! – заорал Гоинз и побежал прогонять повизгивающего бедолагу.

Чертовая психушка, тут надо все залить керосином. – подумал я, как из творческого полета мысли меня вырвал менторский, пронизывающий до костей голос.

-Видите ли, молодой человек, я страдаю раздвоением личности. Я вижу себя обитателем планеты Оло. Представляю интеллектуальную элиту. В данный момент мы подготавливаем покорение варварских народов Плутона. И пусть эта действительность мне видится с абсолютно любой точки зрения убедительной, тем не менее Оло – ни что иное, как порождение моей психики.

-Погоди-погоди... Ты осознаешь диагноз и не ведешь себя как псих. И почти не говоришь, как псих. И выглядишь не как псих. Ты что, не псих?

-Угум-с.

-Тогда какого дьявола ты здесь делаешь? -Элджей вопрос проигнорировал. Зато сообщил нечто важное.

-Суть моего раздвоения в том, что таким образом я пытаюсь уйти от реальности, отягощающей мою жизнь. Когда я перестану убегать на планету Оло, я поправлюсь... А у тебя тоже раздвоение, мой друг? – спросил афроамериканский джентельмен. Только сейчас я заметил, что у него на ногах не туфли, а белые пушистые тапочки в виде зайчиков.